

Литературный конкурс «Иду на грозу»

Елена СЕМАКИНА

БОГ — ЭТО ВЕРА В ЛЮДЕЙ

Записки учителя

Ненавижу вашу литературу!

На любом уроке, независимо от очередности, предмета или учителя, Бронька могла уснуть в любом положении. Особенно сладко спала она, если удавалось спрятаться за широкой спиной Матвея. Тогда она могла тихонько прикорнуть прямо на парте и блаженно провалиться в небытие, пока учитель не замечал этого. А заметить он мог нескоро, если кто-нибудь отвечал у доски или если учитель, не чуявший своих ног к шестому или седьмому уроку, садился за свой стол, а не бегал, как надсмотрщик, по классу.

Бронька, которую я вырывала из объятий сна на своих уроках, строила невероятно свирепые рожи. Сначала я смеялась над этим:

— Очень страшно, Бронь, тебе в античном театре даже маска не понадобилась бы!

— Невероятно трагично, Шекспир бы оценил!

— Знакомьтесь: чемпион по прожиганию взглядом дырок в собеседнике!

Но постепенно запас моих шуток истощился, и вечно сонная и недовольная физиономия Броньки стала меня потихоньку бесить. Так началась моя борьба с Бронькой за ее бодрствование. С переменным успехом были опробованы разнообразные приемы кнута и пряника (конечно, без непосредственного применения этих предметов). Разбуженная мной Бронька могла хамить и демонстративно отказываться писать в тетради, даже если я стояла над ее душой, или неожиданно поднимать руку и бойко отвечать, на лету схватывая учебный материал, — никаких закономерностей не было. Пересадка на первую парту тоже не дала явного эффекта. Выяснение, что она делает по ночам, обычно заканчивалось уверениями, что крепко спит. Я была не на шутку озадачена.

Я всегда стараюсь привлекать родителей к разрешению конфликтной ситуации в самом крайнем случае, обычно справляюсь без них. Но тут мне показалось, что без родителей не обойтись. Правда, вскоре я поняла, что и они бессильны перед гипнотическим сном Броньки. Разговоры с мамой сводились к следующему.

— Броня опять сегодня спала на уроке, а когда разбудили, упорно не желала ничего делать, дерзила. Так как тему не поняла, за проверочную работу тройку получила.

— Да, это она у нас в папу. Он тоже конфликтовал с учителями, а потом экстерном два курса института окончил.

— Вы предлагаете ничего не делать и подождать, пока она созреет до экстерна?

— Нет, конечно, я поговорю с ней. Мы с ней постоянно на эту тему разговариваем, она обещает вести себя нормально и не спать на уроках.

— И желательно не хамить. Может быть, вам стоит продумать еще раз ее режим дня? Вы знаете, что она у вас не спит иногда до часу, а то и до двух ночи? Конечно, после этого она клюет носом на уроках.

— Да нет, она спать ложится в десять, самое позднее в одиннадцать, компьютер мы перед сном выключаем.

Мама лукавит: существует смартфон, и Бронька не раз после десяти часов вечера только интересовалась в чате у одноклассников, что задали на дом, и мне это было видно. Мама много работает, и у нее, конечно, часто не хватает ни сил, ни времени на то, чтобы контролировать неорганизованную Броньку. У мамы глаза умные и страдающие. И они говорят то, о чем она молчит сама: «Я тоже ничего не могу сделать!» В конце концов она признается:

— Бывает, конечно, что тренировки или соревнования заканчиваются поздно, а проходят они долго, и Бронислава очень устает, а после них еще уроки приходится делать.

Бронька, конечно, чрезвычайно интересная личность. Она шахматистка, причем очень способная. Постоянно играет на каких-то соревнованиях и получает призовые денежные суммы, воспринимая их практически как собственную зарплату. Для чего ей правило о различении суффиксов *-ек-* и *-ик-*? Наверное, я отстала от жизни, но мне кажется, что денежные призы развращают детские души, а излишняя меркантильность в ребенке меня настораживает. Может, поэтому я всю жизнь бессребреница?

Как все потенциальные гении, Бронька постоянно пренебрегает условностями: может ходить по кабинету в одних носках, если она устала от обуви, или задрать ноги на стул так, что непонятно, для чего вообще нужна юбка. Надо сказать, юбка и вечно растрепанные косы — пожалуй, небольшое, сообщающее о том, что Бронька девочка. Она и общается на переменах в основном с мальчишками, погружаясь с ними в мобильные стрелялки или бродилки.

Опять же как все потенциальные гении, Бронька рассеянна до невозможности. Например, она с легкостью и неоднократно

забывала в школе пакет с уличной обувью и не искала его несколько дней, причем в любое время года. Для меня всегда было загадкой, как Бронька шествовала по снегу до машины и не замечала, что ее обувь не соответствует двадцатиградусному морозу. Правда, мама, которая сидела за рулем машины, видимо, торопилась и тоже не всегда это замечала, поэтому ей легче было завести дочери несколько пар обуви на каждый сезон, чем постоянно ее контролировать. Зимние сапоги Броньки могли неделями сиротливо стоять в уголке кабинета, пока я сама не вручала их ей непосредственно перед выходом из школы.

Обладая бесспорным аналитическим умом и хорошим словарным запасом, Бронька умеет долго и убедительно рассуждать. Поэтому, когда она не спит и у нее хорошее настроение, на уроках литературы класс уважительно слушает Бронькины монологи.

— Я считаю, что Маша отказала Дубровскому потому, что имела ложные представления об обязанностях. Их ей вбивали с самого детства. В своей семье она была под постоянным прессингом, Троекуров просто задавил ее как личность. Почему она вышла замуж за князя Верейского? Потому что так папа сказал. Но ведь это ее жизнь, и никто не вправе решать, с кем ее прожить, кроме нее самой! Почему она не выпрыгнула в окно, когда ее заперли в комнате? Я бы так и сделала! Зачем она дала кольцо брату, который ничего не понимал и случайно ее выдал? Нужно было все делать самой! А она привыкла, что всю жизнь за нее все делали слуги, а решал батюшка! Курица ваша Маша, а не женский идеал! Недостойна она Дубровского! Он медведя не испугался, а она папеньку боится и какого-то бога!

Причем нить Бронькиных рассуждений могла плестись бесконечно, к радости всех бездельников, не читавших книги: теоретически до конца урока, фактически до того момента, когда я ее хвалила и прерывала, чтобы послушать хоть кого-то еще.

Не сказать, чтобы у нас с Бронькой было серьезное недопонимание. Я с удовольствием слушала ее ответы, хвалила за все, за что только можно было. Она часто подходила ко мне сама, что-то показывала или делилась своими успехами. Могла подкрасться хитрой лисой и обнять меня за плечи, возвещая, что я самый добрый и вообще лучший учитель. Но, как только на уроке ее подкашивал сон, я становилась врагом номер один, с которым не стоило любезничать.

Писать каждый раз, когда Бронька засыпала на уроке и не хотела учиться, маме, как она просила, было утомительно и малоэффективно. С переменным успехом я тормозила Броньку, каждый день наши отношения балансировали между выговором и похвалой. И вот однажды я не выдержала: после того как сосед Броньки не смог растолкать ее, мирно спящую на парте, я просто зафиксировала это положение на фото и без комментариев отправила его маме.

На следующий день Бронька явилась мрачнее тучи. Не подозревавшись со мной, молча проследовала к своей парте и, швырнув сумку, улеглась в трагической позе. Я сделала вид, что не заметила ее

невоспитанности. Но на уроке, когда я попыталась вовлечь ее в общую работу, она стала так отчаянно хамить, что это было чересчур даже для нее:

— Какая вам разница, пишу я или не пишу? Что вы ко мне привязались?

Или:

— Мало ли, что вы сказали!

Мои нервы не выдержали, и я повысила голос, готовый предательски задрожать от обиды:

— Не стоит со мной разговаривать в подобном тоне! Это некрасиво!

Будь добра после урока остаться для серьезного разговора!

Бронька фыркнула в ответ и даже попыталась после урока увильнуть, но, так как она невероятная копуша и очень долго собирает вещи, мне без труда удалось выпроводить остальных детей из кабинета и остаться с ней наедине.

— Броня, объясни, пожалуйста, что случилось?

— Ничего!

— Как ничего? Мне только два дня назад казалось, что ты работаешь над собой и многому научилась. Какая муха тебя укусила?

— Не муха, а мама! Зачем вы отправили ей фотографию? Кто дал вам право без моего разрешения меня фотографировать?

— Меня об этом давно уже просила твоя мама, потому что сказанное ты с легкостью отрицаешь, а фото — это уже неоспоримое доказательство.

— Ну, вы можете быть довольны: мама меня отругала и дала мне пощечину. Вы этого добивались?

— Нет, Броня, не этого. Пощечина, конечно, не самый лучший инструмент воспитания, но, может, ты маму уже вывела из себя? Может, ты ей хамила так же, как и мне сегодня, а может, еще хуже?

— А то, что у меня настроение плохое, вообще никого не интересует? Может, мне так плохо, что я видеть никого не хочу?

— Броня, у меня тоже бывает плохое настроение, как и у каждого человека. Ты хоть раз видела, чтобы я его на ком-нибудь срывала? Разве я виновата в твоём плохом настроении?

— Это все из-за мамы, у нее проблемы, и я за нее переживаю.

— Что-то случилось?

— Я не могу вам сказать!

— Хорошо, не говори. Но тебе обязательно нужно поговорить об этом с мамой и рассказать ей о своих переживаниях.

— Зачем? Ей все равно, что у меня на душе! Ей главное, чтобы на меня не жаловались и оценки нормальные были!

— Неправда. Мама за тебя очень переживает. Хочешь, я с ней поговорю?

— Да что вы привязались ко мне? — взбеленилась Бронька. — Что вы в душу ко мне вечно лезете? Да я вас терпеть не могу! А вашу литературу просто ненавижу!

Она схватила портфель и бросилась из класса, оставив на парте учебник, а под партой — пакет с личной обувью. Как только за ней

хлопнула дверь, у меня, как у клоуна в цирке, брызнули из глаз струйки слез. Остановить этот поток я была не в силах и, закрыв от бушующего на перемене школьного коридора дверь на шпингалет, предалась безутешному горю, благо перемена была длинная.

Каждый раз, когда в мой адрес выплескивается какая-то неожиданная гадость, защитный панцирь, который я так старательно все время наращиваю, дает брешь, причем значительную, после которой я совершенно больная хожу минимум неделю. Каждый раз мой внутренний монолог примерно одинаков: «Господи, почему это произошло со мной? За что? Я ведь не сделала ему (ей, им) ничего, кроме добра?» Так происходило и в этот раз.

Я, конечно, понимала, что Бронька сказала свои слова в сердцах, что она о них пожалеет, что она сама нуждается в помощи и поддержке. Но слезы катились неудержимо, мое дурацкое желание всем нравиться было жестоко уязвлено.

Следующие два дня я, сдерживая закипающие слезы, игнорировала Бронькины попытки реабилитироваться в моих глазах. Я не замечала ее поднятой руки и спрашивала других. Я поворачивалась к монитору, когда она подходила к моему столу. Я уходила на больших переменах из кабинета, чтобы не оказаться вынужденной отвечать на ее возможные вопросы. Обида душила меня до тех пор, пока вечером второго дня не позвонила Бронькина мама и не сказала:

— Бронька плачет, говорит, что очень вас обидела.

— Она рассказала какие-то подробности? — поинтересовалась я.

— Нет, она просто не знает теперь, как у вас попросить прощения, говорит, что вы не хотите с ней разговаривать.

— Ну, я же не мешаю ей говорить. Просто, может, пока мужества не хватает?

— Я ей так и сказала. Она обещала, что обязательно извинится перед вами.

— Хорошо, я очень на это надеюсь.

— Вы мне напишите, когда она извинится. Для меня это важно.

— Да, конечно. Я понимаю, что вы, как и я, очень расстроены. Но ничего страшного не произошло, если она сама сожалеет о случившемся. Будем учить Броню справляться с негативными эмоциями.

Я положила трубку и почувствовала, как где-то глубоко внутри меня тает маленькая льдинка. «Какая же ты дура, Бронька!» — ласково сказала я тьме за окном. Тьма ответила мне эхом, поменяв только имя на мое собственное.

На следующий день после урока в 6 «Б» Бронька дождалась, когда одноклассники выйдут из кабинета, сама закрыла дверь на шпингалет и подошла к моему столу. Ее била мелкая дрожь, выразительная мордашка скорчилась в болезненной гримасе. У меня сердце разрывалось от жалости, но я заставила себя молчать, давая право Броньке заговорить первой.

— Елена Славовна, простите меня, я не хотела вас обидеть, — выдала из себя несчастная.

— Точно не хотела?

— Точно. Понимаете, у меня просто характер дурной, иногда удержаться не могу, — сглотнула комок в горле и всхлипнула.

— Бронь, вот скажи, я тебя чем-нибудь обидела?

— Не-е-ет! — зарыдала во весь голос Бронька и вцепилась в меня.

Я обнимала бедную неразумную Броньку, эту нахальную и ранимую пигалицу, раздираемую противоречиями, гладила ее по макушке и неторопливо увещевала:

— Никто не должен терпеть грубости. Никто не обязан подстраиваться под твое плохое настроение. Может, но не обязан — помни об этом. Нужно уважать людей, уважать их интересы. Если научишься этому — тогда и обижать их перестанешь, и сдерживать свой характер сможешь.

— Я не смогу, — выла взахлеб Бронька.

— Сможешь. Ты умная... Ты справедливая... Ты смелая...

— Почему?

— Что почему?

— Почему смелая?

— Потому что сумела признать свою ошибку и сама первая завела об этом разговор. Не каждый способен на это, ведь проще промолчать.

— Нет, не проще.

— Это потому что у тебя есть совесть. И это, Бронечка, возможно, самое важное.

Бронька уже успокаивалась, размазывая сопли и слезы не по моей одежде, а по собственному лицу. Я вытащила из стола салфетку. В двери кабинета начал беззастенчиво ломиться следующий класс.

— Ни фиги себе, какая у народа тяга к знаниям! — улыбнулась, утираясь салфеткой, Бронька.

— Да, как видишь, пришлось даже щеколду поставить, — улыбнулась я в ответ.

— Так говорили же, что щеколды от террористов?

— А ты видела в школе каких-то других террористов, кроме наших учеников?

Бронька счастливо рассмеялась, а я уже направилась к подрагивающей двери. Щелкнул под моей рукой шпингалет — и тут же, как по мановению волшебной палочки, прекратился прорыв в обитель знаний: со мной уже чинно здоровались обормоты из 6 «А», которые искренне удивились бы, если бы у них спросили, кто только что выламывал дверь.

Пропустив поток всех жаждущих обрести знания, Бронька махнула мне рукой и побежала на следующий урок. Пакет с обувью опять остался под ее партой.

Перестала ли Бронька после этого спать на моих уроках? Нет, не перестала, но старается делать это реже. Корчит ли она рожи, проснувшись? Конечно, одна другой краше. Но она очень старается не сорваться, не нахамить. Часто это даже получается. Раскаяние, как и прощение, не всегда одномоментны. Их нужно прожить, ими нужно переболеть, и это в нашей истории касалось не только Броньки.

Видимо, в благодарность за мое понимание она самоотверженно вызвалась сыграть самую трудную роль в новогоднем спектакле — роль Снеговика. Никто не хотел браться за нее из-за того, что нужно было учить много слов. Бронька не испугалась и каждый раз на репетиции беззастенчиво перевирала свои реплики, импровизируя на ходу. Я сердилась и хохотала — Бронька дурачилась, оценив великое обаяние театра. На выступлении, облачившись в потрясающий костюм, сшитой ее мамой, Бронька была неотразима.

Когда я бужу ее в очередной раз на уроке, представляю себе это воодушевленное, смешное и трогательное создание с морковным носом — и знаете? — очень помогает сохранять количество нервных клеток, необходимых для того, чтобы не опустить руки в моей нелегкой профессии.

Коридорное обучение

Данька — один из тех, кого сегодня принято называть гиперактивным ребенком. Высидеть целый урок на одном месте, записывая вместе с классом целые предложения и благовоспитанно отвечая на вопросы, он просто не в состоянии. Он изо всех сил старается держаться после звонка, но максимум через 5 минут у него случается приступ словесного поноса, неудержимого и беспощадного. Раньше первой принимала удар, конечно же, соседка по парте, терпению которой я могу только позавидовать. Анна — биатлонистка и, когда поток слов ее соседа превышал все разумные пределы, была прямо в глаз. Во избежание возможного членовредительства на своих уроках я в итоге разрешила ей сидеть на другой парте.

Но есть же соседи впереди, сзади и по бокам, а сдержанность не входит в число добродетелей нынешних детей. Поэтому Даньке все равно от кого-нибудь постоянно прилетает: редко на уроках (все-таки не совсем потеряно уважение к учителю), но почти всегда на переменах. Соседи в радиусе двух парт нервно скрипят зубами и бережно копят раздражение, вызванное невыносимым одноклассником, до звонка с урока. Редкая перемена у Даньки обходится без подзатыльников, классических оплеух учебником по многострадальной кудрявой голове и даже мимолетных потасовок, которые я стараюсь тут же пресекать. Данька мечется по классу и коридору от одного недоброжелателя к другому. Собственно, он достиг того, чего так жаждал: привлек к себе внимание максимально возможного количества человек.

Мое внимание — это тоже предмет неустанных ухищрений Даньки. Если он пришел на урок с выполненным домашним заданием, что бывает нечасто, то занятие начинается с его выкриков:

— Я! Я! Я!

При этом он тянет руку и подскакивает так, что однажды резинка на штанах не выдержала и они чуть не свалились ко всеобщему восторгу аудитории. Причем восторг испытали не только зрители, но и сам

Данька, нисколько не смутившись от произошедшего, а лишь подтянув одной рукой сползающие штаны.

— Даня, я — последняя буква в алфавите!

— А! А! А!

— Ну, прямо вылитый булгаковский Шариков.

— А кто это?

— Собрат по разуму, не иначе.

Шестиклассник Данька, конечно же, не читал еще «Собачье сердце», но и подвоха в моих словах не чувствует. Его распирает от гордости за то, что он завладел моим вниманием.

— Я хочу ответить домашнее задание! Я готов!

— Даня, всем уже страшно от того, что будет, когда поток твоих знаний вырвется наружу...

— Я знаю! Я! Я!

Если я давала Даньке право ответа, он начинал тараторить с такой скоростью и упоением, как будто боялся, споткнувшись, забыть нужные слова и потерять из-за этого возможность блеснуть знаниями. Если же я спрашивала другого ученика, Данька расстраивался, но не сильно, и тут же терял интерес к орфограммам и разборам и начинал терроризировать своих соседей.

Все произошедшее с Данькой тут же становилось достоянием общественности. Причем инициатором этого был он сам. Ни один свой секрет он не мог удержать за зубами, а если секрет был приятный, то он тут же адресовался мне.

— Елена Славовна, а что делать, если тебя девочка поцеловала?

— Наслаждаться осознанием собственной неотразимости.

— Ну, вот это я вчера и делал! Представляете? У меня теперь девочка есть!

— Не представляю, Даня. Как она, бедная, вынесет бесконечный поток твоего сознания? Очень переживаю за нее.

— А за меня?

— Ну, я же девочку не знаю. Возможно, она обладает такими достоинствами, перед которыми меркнут даже твои. Но ты в любом случае ее побереги, иначе она не только целовать не будет, а просто сбежит.

— Я ее знаете, как беречь буду? Я вчера ей свой свитер отдал, когда она замерзла.

— Молодец!

— А еще отдал ей все конфеты, которые у меня были.

— Ну как же ей было после всего этого тебя не поцеловать?!

Рот до ушей от распирающего его счастья, темно-карие глаза в луковом прищуре, забавные вихры на макушке, восторженные рассказы взалхоб о том, что с ним произошло чудесного, — я наблюдала за ним и думала, что этот чертенок для мамы не только горе луковое, но и солнце красное. Я ведь сейчас тоже грелась в его лучах, благо на перемене не нужно было заставлять его учиться.

Но звенел звонок на урок — и Данькина любовь к жизни превращалась в фейерверк пустословия. Не нужно быть опытным педагогом,

чтобы понять, что вести урок, когда в классе сидит такой Данька, — испытание не для слабонервных. В ответ на замечания он не хамил, наоборот, с готовностью выражал согласие:

— Всё-всё-всё! Понял! — делал движение, как будто закрывает рот на замок-молнию, и через пару минут продолжал выводить из себя весь класс.

Я пересаживала его. Стояла рядом, пока все выполняли какое-то задание самостоятельно. Давала индивидуальные задания. Хвалила за все, что только можно было. Отпускала его пройтись по коридору и зайти в класс, когда он успокоится...

Однажды наступил предел моему терпению, и я, отпуская его в коридор, сказала твердо:

— Все, можешь в класс не возвращаться!

— Как это? — переполошился Данька. — А как же урок? Я же ничему не научусь!

— Ты и так ничему не учишься! Так что для тебя мало что изменится.

— Нет, я не могу так, я маме обещал...

— Ну, если маме обещал... Тогда сегодня ты учишься в коридоре! — вдруг приняла я решение. — Я думаю, это единственный выход из сложившейся ситуации, чтобы другие тоже могли учиться.

— А это как — в коридоре?

— А вот так! Бери учебник, тетрадь, пенал — и садись на лавочку в коридоре перед нашей дверью.

— Прикольно! — обрадовался Данька, как будто я предлагала ему поучаствовать в новой игре, забрал все свои учебные принадлежности и вальяжно расположился на мягкой лавочке.

— Ну что, нравится? — поинтересовалась я в распахнутую дверь класса.

— Ага!

— Я тебе сейчас дам что-нибудь твердое подложить, чтобы писать было удобно.

— Да и так все нормально, Елена Славовна, ничего не нужно.

— Точно?

— Точно!

— Ну и отлично, — я обернулась к классу. — Продолжаем урок. Откройте учебник на странице 63 (*боковым зрением увидела, что Даня открыл учебник и ищет нужную страницу*), найдите упражнение 150 (*он открыл то, что я просила!*). Давайте вспомним правила написания мягкого знака после шипящих на конце слова (*подняли руки Мирра, Слава и... Даня в коридоре!*). Слушаю, Мирра! (*Мирра начала отвечать, но голосок у нее тихий, и Даня встал в коридоре с лавочки и подошел, чтобы лучше услышать ее, конечно, не удержался и заглянул в класс, по которому тут же прокатились сдержанные смешки.*) Спасибо, Мирра, садись. Даня тоже садится на свое место (*вернулся, сел на лавочку, взял тетрадь с ручкой, изображая готовность усердно писать*).

Миррин ответ сначала дополнил Слава, потом я подвела итоги и предложила:

— А теперь давайте составим алгоритм «Написание мягкого знака после шипящих на конце слова» для всех частей речи. Такой, чтобы, следуя ему, вы никогда не ошибались. Итак, каким будет наш первый шаг?

Даня тут же взметнул руку вверх, и я милостиво разрешила ему ответить.

— В мужском роде он мой — без мягкого знака, — растянув улыбку от уха до уха, старательно проговорил довольный своими познаниями Данька.

— Спасибо. А что, в женском роде существительные все с мягким знаком пишутся?

— Да!

— И в слове «задач»? Например, в учебнике математики много задач.

— Да... Ой, нет!

— Кроме того, мы сейчас говорим только о существительных. А как же другие части речи? Значит, нужно с чего-то другого начинать?

Я продолжила обсуждение уже со всеми остальными детьми, и постепенно на доске рождался необходимый нам алгоритм. Данька встал в дверях, чтобы лучше видеть доску, и перерисовывал этот алгоритм в тетрадь.

— Ты хочешь вернуться в класс? — удивилась я.

— Не-е, — улыбнулся Данька, — я же в коридоре учусь.

Перерисовав алгоритм, он опять сел на лавочку и, пока класс выполнял упражнение, занимался тем же. Урок подошел к концу без его воплей и перепалок с классом. Самое удивительное, что и сам Данька был доволен. Он с гордостью показал мне то, что записал на уроке. Как обычно, почерк был не то что как курица лапой — как цыпленок крыльями. Но я на детских каракулях собаку съела — поэтому тут же увидела четыре ошибки. Но ведь написал же все!

— Какой ты, Даня, молодец! Все писал, старался, даже ошибок почти не сделал. Вот только здесь (*показываю*), здесь, здесь и здесь. Я смотрю, тебе коридорное-то обучение понравилось?

— Ага! — расплылся Даня в своей неотразимой улыбке. — И лавочка мягкая...

С тех пор у нас повелось так: как только Даню сражал приступ известной еще Толстому школьной болезни «не могу молчать» и не помогали известные всем способы поддержания дисциплины — он отправлялся в коридор. Я понимаю, что такая форма обучения не прописана в, прости господи, ФГОСах, но для моего чересчур жизнерадостного и подвижного ученика она порой просто необходима. Когда Даня идет в очередной раз учиться в коридор, он преисполнен гордости. И дело не в том, что там лавочка мягкая, а в том, что в этот момент он чувствует себя особенным, исключительным, а он, собственно, этого и добивался.

Когда порой мне говорят, что я работаю много лет и уж точно знаю все секреты обучения и воспитания, — я искренне удивляюсь. Потому что знаете, какой главный секрет я узнала за годы работы в школе? Что все дети разные. И это замечательно.

Вопросы веры

— Пам-м! — раздался звук уведомления на смартфоне, когда я намазывала руки кремом перед сном.

— Кто тебе там пишет, когда все приличные люди, трудившиеся, между прочим, не покладая рук, ложатся спать? — проворчал муж, который уже удобно устроился под одеялом с твердым намерением отоспаться после благополучного завершения проекта прошедшей ночью.

— Дети или их родители, — не задумываясь, ответила я и посмотрела на экран смартфона. — Вернее, одна неумная родительница.

— Чего пишет?

— Сейчас прочитаю. «Мы верим в Бога! Мы свято чтим Отца Сына-Иисуса Христа и Святого Духа...»

— Она тебя в религиозную секту вербует, что ли?

— Пока не знаю. Слушай дальше: «Мы читаем Библию и то что пишут в этой сказке это оскорбление Бога...» Интересно, она вообще знает о существовании знаков препинания? Ладно, дальше: «здесь пишут что люди молились Богу и Он дал им ребёнка через рождение от коровы...» Ага, понятно.

— Чего тебе понятно?

— Это она про сказку «Иван Быкович», которую я пятиклассникам дополнительно задала читать дома. Хотела поговорить с ними об исторических корнях волшебной сказки. Там царица, которая не могла забеременеть, увидела сон про златоперого ерша. Если того ерша съесть, то ее мечта исполнится. Она так и сделала, но посуду за ней кухарка подлизала, а корова помой выпила — и все три, как в наших сказках говорится, забрюхатели и разрешились тремя сыновьями с традиционными русскими именами: Иваном-царевичем, Иваном кухаркиным сыном и, соответственно, Иваном Быковичем.

— Ну и чем возмущена твоя родительница?

— Ты же слышал: тем, что, как она пишет, люди молились богу и он им дал ребенка через рождение от коровы.

— Так богу-то царица молилась, а не корова. Где логика у твоей родительницы?

— Ну я же не могу ее об этом спросить. Для нее это — цитирую — «богохульство, грех... бесовщина, которой нечего детям голову забивать», поэтому она своей дочери запретила читать эту сказку.

— Бред какой-то! И нечего на него отвечать!

— Ну что поделать, раз у меня работа такая?

— Какая работа? По ночам на дурацкие сообщения отвечать? Она знает, что сказки родом вообще из языческих времен? Так что никто ее христианского бога и не думал оскорблять!

— Согласна, я ей примерно это уже и написала. *(Вновь звук уведомления, открываю.)* А она мне пишет, что Бог не игрушка и о нем нельзя так даже в сказках писать!

— Слушай, да это просто фанатичка. Вообще ничего ей не отвечай — себе дороже!

— Наверное, ты прав. Сейчас последнее напишу — и всё.

— И что ты ей написала?

— Что сказки — часть нашей культуры, но, если они о ней ничего не хотят знать, пусть не читают. Она же по поводу домашнего задания это все писала.

— Весь сон мне сбили своим религиозным диспутом! — буркнул муж и отправился на веранду к пепельнице восстанавливать душевное равновесие.

— Ну прости!

Я легла в постель и задумалась о том, почему мне так трудно порой общаться с воцерковленными людьми. Я ничего не имею против религии и церкви, каждому свое, я даже завидую уверенности верующих в том, что они знают, как нужно жить. Я вот не могу этим похвастаться. Но почему же они так нетерпимы порой к нам, не обретшим этой веры? Считается, что общество должно проявлять уважение к чувствам верующих, но почему-то они по большей части не выказывают того же по отношению к чувствам нерелигиозных людей, достаточно агрессивно защищая свои идеалы. Почему мне Олина мама может выговорить, что я детям бесовщиной голову забиваю, а я не могу ей сказать, что ее религиозная блажь — это насилие над детской душой?

Дальнейшая история наших взаимоотношений с фанатично религиозной мамой после этого эпизода складывалась нелегко. Во всем ей мерещилась чертовщина, однажды даже в игровом задании по информатике. Суть была в том, что изначальное число, прошедшее через определенные действия алгоритма, на выходе получалось другим. «Это бесовщина!» — заявила Олина мама, запретив дочери выполнять задание, чем до глубины души потрясла учителя информатики.

Пересказ эпизода полета Вакулы на черте в качестве домашнего задания по литературе был категорически отвергнут. Я уже потом поняла, что слова «черт», «бес» и прочее были для Олиной мамы как красная тряпка для быка. Вычеркнуть из художественных текстов я их не могла, вступать с ней в пререкания не имело никакого смысла. Порой эти бедные «черты» вываливались совершенно неожиданно из самых разных мест и доводили фанатичную родительницу до яростного протеста, а мое терпение — до высшей точки кипения. Черты спешили к нам со всех сторон, и Олина мама тут же вступала с ними в схватку, ведя об этом репортаж в присланных мне сообщениях и по-прежнему игнорируя знаки препинания:

«Скажите пожалуйста можно фразеологизм в домашнем задании тот который есть заменить на другой?»

«Это тренировочный вариант ВПР. Как я могу заменить фразеологизм из задания?»

«Что же они про чертей пишут... есть же другие хорошие фразеологизмы...я не разрешаю Оле делать это задание».

«У нас светская школа. Если вы хотите дать Оле именно религиозное образование, возможно, стоит обратиться в учебное заведение, которое этим занимается. Фразеологизмы и про бога, и про чертей существуют

в русском языке независимо от религиозных взглядов людей и не наносят никакого ущерба ни верующим, ни атеистам».

Фразеологизм был, чтоб вы понимали, «в тихом омуте черти водятся». Надо сказать, что, если бы мама попыталась узнать по-настоящему свою истинную христианку Олечку, она бы удивилась, поняв, что этот фразеологизм имеет к той прямое отношение. Хотя нет, она ведь вела войну с чертями по всем фронтам, так что рядом с Олей они никак не могли оказаться. Наверное, поэтому она ни слова не написала, когда я выложила в родительской группе фото с перепиской класса, на котором Олечкиным хорошо узнаваемым почерком была написана отборная матерщина.

Листочек я обнаружила случайно. Это произошло в тот период ковидного идиотизма, когда класс сидел весь день в одном кабинете, а учитель высунув язык носился с учебниками, стопками тетрадей и другими необходимыми для учебы предметами (например, химикаты с кучей пробирок и реактивами) по этажам. То, что дети на переменах бегали по коридору и дышали друг на друга бациллами, чиновниками не учитывалось. Однажды я задержалась после урока в 11 классе и пришла в свой кабинет, когда мои пятиклассники уже испарились оттуда. Кабинет имел вид настоящего Мамаева побоища: парты стояли в произвольном порядке, из нескольких стульев составлен помост для победителей, поле сражения усеяно остатками невостребованного добра — фантиками, огрызками, недоеденными булочками, скомканными бумажками. На последней же парте меня ждала летописная грамотка, по которой любой носитель языка мог оценить виртуозное владение школьниками старинной русской бранью. В их числе была и Оля из набожной семьи, которая не может даже слова «черт» написать. Мама Оли, увидев фото этой переписки, сделала вид, что к ней она не имеет никакого отношения. Но я-то все детские почерки по одной закорючке узнаю.

Знаете, я не была удивлена ни лицемерием мамы, ни сквернословием Оли. Потому что чем яростнее ребенку что-то запрещать и подавлять его, тем больше его интерес ко всему запретному. Пружина Олиной личности, которую ее мама сжала в религиозных тисках, скоро может выстрелить так, что припомнятся все якобы побежденные черти.

Оля не могла общаться с одноклассниками в чате, потому что интернет был для нее запрещен. По субботам и воскресеньям Оля, конечно же, должна была посещать храм, поэтому она не ходила с одноклассниками ни в один поход, не ездила ни в одну поездку, с завистью слушая потом, как здорово она могла бы провести время. Очевидно, бог в понимании Олиной мамы постоянно нуждался в присутствии девочки в церкви, а веселые игры на свежем воздухе или просмотры нерелигиозных театральных постановок представлялись серьезным соблазном для неокрепшей юной души.

У подчеркнуто благочестивой и какой-то замороженной внешне мамы была на удивление живая и веселая девочка, которая свою подавленную активность выплескивала на уроках в школе. Она постоянно поднимала

руку, чтобы ее спросили, при этом много болтала и отвлекалась, приносила в школу какие-то бесконечные бирюльки — перышки, скрепочки, магнетики, пружинки — и играла с ними на уроках, не забывая делиться со всеми соседями. Однажды, когда я ее пересадила на первую парту, она буквально через пару минут у меня под носом организовала с новой соседкой игру в «морской бой».

Я всегда стараюсь относиться к подобным шалостям детей с юмором, твердо заставляя их при этом вернуться к работе. В подобном шутовском ключе я чаще всего об этом рассказываю и родителям. Так было и в этот раз на родительском собрании, где мы обсуждали вопросы дисциплины на уроках. У нас мамой Оли оказалось разное чувство юмора, о чем можно было уже догадаться, но чтобы настолько разное... Когда я, выпотрошив до дна все свои положительные эмоции, глубоким вечером вернулась домой и упала на диван, раздалось очередное памканье смартфона.

«Сижу дома и реву о том что услышала на собрании об Оле. Скажите пожалуйста в ней есть хоть что то хорошее?»

Не успела я опомниться от неожиданной реакции мамы (хотя вот в эту минуту я окончательно поняла, что именно этого и надо было ожидать), как пришло продолжение:

«Я служу в церкви с подростками и точно знаю что нет дисциплины в группе это проблема учителя, а не детей. А высмеивать поведение детей при общем собрании родителей это очень больно для родителей».

Муж угрюмо разогревал запоздалый ужин и бурчал что-то про мою дебильную работу, где выносят мозги 24 на 7, а я, подавляя расправившее меня озверение, упражнялась в смирении гордыни:

«Я на собрании не сказала ничего плохого об Оле, подчеркнула ее активность, которая выражается в стремлении и ответить, и поиграть с посторонними вещами, и пошалить. Ни в коем случае я не высмеивала ее поведение, просто стараюсь ко многим ситуациям относиться с юмором. Очевидно, у нас с вами разное чувство юмора. Извините, если некоторые мои слова показались вам обидными. По поводу проблем с дисциплиной я с вами не согласна: это проблема не только учителя, но и детей. Обвинять во всем учителя — значит, снимать ответственность с ребенка. Я считаю, что каждый должен отвечать за свои поступки, иначе у детей возникает ощущение вседозволенности. На будущее я учту наше сегодняшнее недопонимание и об Оле буду говорить только лично с вами».

— Офигеть! — сказал муж, заглянув мне через плечо. — Ударим корректностью по родительскому маразму!

— Всё-всё! Больше не буду отвечать! — завершила я, выключая смартфон.

Но Олина мама, подавленная моей корректностью, безмолвствовала. Я давно заметила, что побаиваюсь людей без чувства юмора. Им доступен только прямой смысл слов. В любой шутке им видится поправка святынь. Их представления о намерениях людей однозначны, зато умение высосать из пальца проблему безгранично.

Однажды, когда мы с шестиклассниками прочитали в учебнике «Вредные советы» Григория Остера, посмеялись и обсудили, по какому принципу они пишутся, я предложила детям дома создать свои «вредные советы». Конечно же, слово «вредные» стало поводом для вечерней переписки (чем же мне еще заняться вечером?).

«Можно Оля напишет не вредные советы, а добрые».

Далее последовало фото листка, на котором отнюдь не Олиным почерком было написано:

Даю совет ребятам,
Как быть мудрыми и долго жить
Уважайте друзья и слушайтесь родителей своих.

— Так вот она какая, мудрость жизни! Какое там безумство храбрых? Ну что ж, ожидаемо, — констатировала я и внесла очередную лепту в абсолютно бесперспективное просвещение религиозных на всю голову родителей:

«Цель “вредных” советов исключительно положительная. Это юмористическая форма. Развивать чувство юмора очень полезно».

Хотела еще приписать цитату из пьесы Горина: «Серьезное лицо — еще не признак ума, господа. Все глупости на Земле делаются именно с этим выражением». Но передумала: такая игра смыслов могла спровоцировать бесконечную переписку.

Что для меня есть Бог? Нет, точнее так: в чем для меня Бог? В восторженном возгласе Оли, когда ей на уроке вдруг приходит в голову светлая мысль. В слезах, выступивших на глазах тихого и скромного Миши, когда он порой просит прощения за несдержанное поведение на уроках других детей. Во вдумчивом и немного удивленном взгляде Ники, по которому я понимаю, что она не только слушает, но и понимает. В равнодушии Глаши, попросившей родителей помочь девочке из приюта поехать вместе со всем классом в лагерь. В раскаянии Броньки из-за вырвавшегося у нее обидного слова. В благодарности Мити, говорящего мне перед уходом из кабинета: «Спасибо за урок!»

По сути, я сама верующий человек, потому что невозможно работать в школе, не веруя в то, что каждый день ты сможешь наблюдать присутствие Бога в детях.

Потому что Бог — это добро и любовь. Просто так. Без ожидания за это хорошей оценки или спасения в загробной жизни.

Потому что Бог — это вера в людей.